Розовая Заря была культом, которая преследовала тайны небес. Её цель была полностью оторвана от вопросов кровной иерархии; по своей природе она ценила совершенство исполнения над семейными узами. И всё же.

Херон поперхнулся, когда я вонзил кулак ему в живот.

Линия моего отца господствовала.

— Ты знаком с понятием социального положения, да? — спросил я Сола, уклоняясь от горящего правого кросса и переминаясь с ноги на ногу. Я ударил сквозь защиту моего кузена, сломав ему нос с резким треском. — Даже животные признают иерархию, конечно, Рим зашёл так далеко. — Сол покосился на меня, без сомнения взвешивая все за и против вступления в бой на стороне моего кузена.

— Я знаком.

— Тогда ты знаешь, что в каждом обществе, цивилизованном или нет, существует социальный порядок. Когда один человек стоит выше другого, вполне естественно, что его слово имеет больший вес. — Херон судорожно выдохнул, его пневма закрутилась вокруг его правого кулака. Как и ожидалось, это был всего лишь финт, чтобы отвлечь моё внимание от левого. Я уклонился от левого и сделал выпад, прежде чем он успел превратить правый в настоящий удар, вонзив плечо ему в живот и подняв его с ног.

— Алый город построен на спинах четырёх социальных классов, — объяснил я, обхватив обеими руками голову моего кузена и изогнув бедра, швырнул его на камень. — Очевидно, что рабы низшие из четырёх. Вольноотпущенники, технически их лучшие, занимают третье место. Метеки, иностранцы, получившие гражданство, относятся ко второму сорту. А ещё есть настоящие Аликоны, прирождённые граждане.

Херон быстро встал на ноги, пылая пневмой, когда он продвинул свою добродетельную технику на более высокий уровень. Хо, это выглядит смертельно. Хочешь ударить собственного кузена этими блестящими руками? Как жестоко.

— Раб жаждет жизни вольноотпущенника. Вольноотпущенник жаждет жизни метека, а тот жаждет жизни Аликона. Нас всех объединяют страшные амбиции.

— Замолчи! — рявкнул Херон, нанося шквал ударов, сверкающих как кометы. Они были раскалённо горячими, когда я отклонял их.

— Но внутри классов тоже есть разделение. Метек, работающий на Аликона, хуже метека, торгующего собственными товарами, не так ли? Раб, который занимается ремеслом, чтобы заплатить за свою свободу, естественно, выше раба, томящегося в бесполезных обязанностях, не так ли?

— А племянник кириоса хуже его сына, — закончил за меня Сол. Я ухмыльнулся, сметая ноги моего кузена и пнув его вниз по ступенькам, когда он пытался поймать себя в падение стойкой на руках.

— Гражданин ниже дворянина, а дворянин ниже наследника, — согласился я. — Мои кузены занимают ведущие позиции в ведущих классах. Аристоис. Твой наставник когда-нибудь учил тебя этому слову, раб? — Сол усмехнулся. Я приму это за "да". — Я существую на уровне даже

выше этого. Херон жаждет это место и ненавидит меня за то, что я его занимаю. Это поглощает всё его естество.

— Трудно винить его, — размышлял Сол, пока я отражал пылающий рывок Херона, когда он поднимался вверх по ступеням. Его розовое культивирование теперь распространилась от кончиков пальцев до локтей и обжигала взгляд любого, взглянувшего на них. — Достаточно плохо то, что ты случайно родился у правящего брата. То, что ты к тому же невыносим? Я бы тоже был в ярости.

Я расхохотался, ловя горящие кулаки, которые разбили бы и испепелили тело любого культиватора ниже пятого гражданского ранга. Наши пальцы переплелись, когда Херон напрягся изо всех сил, его душа пылала. Я посмотрел ему в глаза и усилил хватку.

— Ты неправильно понял, — сказал я Солу, не прерывая зрительного контакта. — Аристоис – это слово с двумя значениями. Лучший по рождению, да. Но так же лучший по достоинству. Мой отец был старшим сыном моего деда, но он также был самым сильным из четверых. Вот почему он правит сегодня.

Херон зарычал от бессильной ярости, а затем от боли, когда моя хватка сжалась настолько, что его тело больше не могло выдержать. Он упал на одно колено, упираясь в меня сломанными руками и мерцающим, угасающим светом.

— Причина, по которой я существую выше тебя, не в том, что мне посчастливилось по рождению, кузен. — Я надавил. Его розовый свет померк, и я сказал ему правду.

— Это потому, что я лучше тебя.

— Ты даже не хочешь этого, — прошипел Херон, с поражением в глазах. — Ничего из этого!

Я поднял бровь: «Какое это имеет значение?»

Наконец, его тело сдалось. Он с горечью уступил, и испытание голодом закончилось.

Его душа культиватора продолжила голодать.

Сол задумчиво молчал, пока мы переходили к следующему этапу обряда.

Третье испытание восхождения было наименее сложным физическим, но при этом самым трудным из них. Испытание духом было простым испытанием воли и грубой силы, оцениваемым старейшинами комплексно и легко проходимым. Именно так подавляющее большинство младших посвящённых поднялись до старшего статуса. Испытание голодом было жестоким и решительным, победа и поражение происходили без какого-либо участия правящего класса. Так улаживались личные обиды и жадность.

Испытание разумом было испытанием добродетели, проведённым самими столпами Розовой Зари. Это не был целостный процесс. Были правильные и неправильные ответы, которые проявлялись в проявлении добродетели, что была пневмой культиватора. Известно, что определённые старейшины предпочитали одних посвящённых другим, и эти предубеждения отражались в их суждениях.

У моих дядь не было такой слабости.

Фотиос и Ставрос Этос, орлиные близнецы и столпы Розовой Зари, были теми людьми, за истории о которых платили, чтобы услышать. Построенные по образу моего деда, они имели ту же массивную фигуру, что и мой отец, а также его тёмные кудри, а их кожа была цвета отполированной бронзы. Их глаза горели неземной синевой, их добродетельный дух освещал их изнутри. Их сопровождала безошибочное притяжение, гравитация выраженная в каждом их движении и слове.

Они оба были капитанами героического царства. Легендарные культиваторы настолько превосходили среднего культиватора, что были совершенно отдельным существом. Говорили, что даже самого низшего из героев любили Музы и ненавидели Судьбы. Они были убийцами монстров, защитниками человечества.

То, что эти двое вернулись из своих эпических путешествий вместе с моим отцом два десятилетия назад и отдали себя в подчинение своему брату, на службу культу, только добавило абсурдной известности Дэймону Этосу.

В любой другой день у моих дядей были бы гораздо более насущные заботы, чем дела мистиков, но во время обрядов они были арбитрами добродетели для тех, кто стремился к восхождению с помощью разума. Мистики собрались в священном гимнасии, обычно предназначенном только для Дэймона Этоса и его братьев, и представили их души на суд.

В отличие от испытания духом, не было верхнего предела того, насколько высоко член Розовой Зари мог подняться с помощью разума. Так рождались заслуженные философы. Каждый уважаемый старейшина Розовой Зари в какой-то момент собрался в гимнасии кириоса и обнажил свою душу. По этой причине, а также из-за того, что если во время встреча с орлами-близнецами их найдут недостойными, было во многих отношениях хуже смерти, только лучшие представители культа собрались в семейном гимнасии, чтобы испытать свою судьбу.

— Какая первая добродетель? — пропел Фотий.

— Справедливость.

— И что такое справедливость? — Ставрос подсказал мистику.

— Справедливость – это проявление силы, — сказал мужчина с прямой спиной, гордо стоя перед орлами-близнецами. — Это непоколебимый фундамент, на котором строится просвещённая цивилизация. Это негласный договор между добродетельными людьми. Месть пороку, свет в бесконечной ночи. Справедливость нельзя увидеть глазами, но её можно почувствовать каждым уголком души.

Столпы-близнецы закрыли глаза в торжественном созерцании. На самом деле я достаточно хорошо знал моих дядь, чтобы понимать, что они сдерживали желание дать молодому человеку пощёчину. Это был не особенно хороший ответ. Фотиос первый подавил своё раздражение и заговорил.

— Тогда покажи нам свою справедливость.

Пневма подающего надежды претендента поднялась, на порядок величины плотнее и ярче, чем у любого из более молодого поколения. Софическое Царство. Он протянул руку ладонью вверх, и его пневма закрутилась в ней. Образовался шар света, невидимый глазу, но легко ощутимый даже на краю гимнасия, где мы с Солом наблюдали.

Мистик резко вдохнул. Шар задрожал и раскололся на четыре осколка, каждый из которых был искривлён и хаотичен. Он стиснул зубы, капли пота выступили на его лбу. Мои дяди бесстрастно смотрели.

Он выдохнул, и его намерение превратило четыре извивающихся осколка духовного света в лезвия. Они расходились вокруг него, зависая в воздухе. Невидимый, но смертельно острый. Мистик сделал жест, и каждое лезвие пролетело через комнату, следуя своей чёткой траектории, проходя между колоннами и посвящёнными.

Тело мистика дёрнулось, когда духовные клинки мгновенно вырвались из-под его контроля. Мои дяди, схватив их из воздуха своей собственной героической пневмой, и недолго рассматривали их, прежде чем отбросить. Они обменялись взглядами, безмолвно обменявшись глубокими суждениями, которые, вероятно, можно было бы озвучить как "эти бесполезные дети", и приняли решение.

— Розовая Заря признает твоё добродетельное сердце, старший мистик, — сказал Фотиос. Он слабо улыбнулся, вымученный жест. — Ты ещё не готов вступить в ряды старейших философов, но мы высоко оцениваем твои усилия. Культ рад видеть тебя.

Это было более мягкое суждение, чем вынес бы Ставрос. Чёрт возьми, это было более мягкое суждение, чем дал бы я. На этом суд закончился, мистик тут же опустился на одно колено и поблагодарил орлов-близнецов за их внимание, изо всех сил пытаясь сдержать свою досаду. Отдав дань уважения, он поднялся и сбежал из гимнасия со всей грацией, на которую был способен, это было не особо много.

Другой старший посвящённый быстро приблизился.

— Какая первая добродетель? — спросил мой дядя.

— Храбрость.

— И что такое храбрость?

И так далее.

— Что ты думаешь, раб? — спросил я несколько часов спустя, когда мы вышли из гимнасия. Немногие претенденты получили благосклонное суждение, и на хорошем основании. Мои глаза не раз остекленели, когда я слушал некоторых из этих софистов.

Я был более чем готов к пиршеству и празднованию. Те, кто поднялся в любом из трёх испытаний, будут наслаждаться своей с трудом завоёванной славой в течение ночи, рассказывая истории новой крови и купаясь в их лучезарной похвале. Она пронесёт нас через ночь к рассвету. И тогда, завтра, начнётся действительная инициация новых членов.

— Что я думаю о чём? — спросил Сол. Что-то было у него на уме с тех пор как я избил моего кузена. Даже сейчас у него был тот задумчивый вид.

— Какая первая добродетель? — подсказал я. Неудивительно, что он не колебался.

— Свобода.

Я фыркнул: «И это говорит раб».

Он пожал плечами.

— Есть четыре главные добродетели, — сказал я, поочерёдно поднимая четыре пальца. — Справедливость, храбрость, мудрость и умеренность. В каждой истории, достойной рассказа, о каждом человеке, которого стоит помнить, присутствует по крайней мере одна из них. Разве не так?

— Так.

— Но ты говоришь, что свобода превыше их всех?

— Да.

— Может ли раб быть мудрым? Разве не может он быть смелым? — Я спросил. — Неужели твои глаза не видят справедливости, несмотря на что твои запястья скованны кандалами? Если бы я предложил тебе чашу вина, разве ты не смог бы удержаться от того, чтобы выпить её?

— Я способен на все эти вещи, — ровно сказал он.

— И всё же ты не свободен.

Раб наклонил голову.

— Ты тоже.

Я никогда раньше в жизни не слышал ничего более абсурдного. У меня поднялась пневма: «Прошу прощения?»

Он был таким же как и всегда. С того самого первого дня, в том дворе под звёздами. Он без колебаний выдержал мой гнев, без страха встретился со мной взглядом.

— Каково предназначение человека? — он спросил.

— Подняться на Олимп Монс, — сразу же ответил я. — Бросить вызов Судьбам и победить.

— Когда человек рождается, Судьбы ткут его будущее и пеленают его в нём, — цитировал он. Это было распространённое высказывание среди культов, основа одной из величайших тайн. — Люди культивируют добродетель, чтобы сбросить эти пелёнки.

— Если Судьбам брошен вызов, кто ещё может сказать человеку умереть? — Я закончил его мысль.

— Человек, о котором рассказывают другие люди, может быть мудрым, смелым, сдержанным или справедливым. Он может быть всем этим одновременно. Или он может быть ни одним из них. — Его тёмные брови нахмурились. — Ничего из этого не имеет значения, если он не может управлять своей судьбой. Слава – это продукт действия. Действие требует свободы воли.

— Если ты решишь покинуть это место, здесь и сейчас, и никогда не возвращаться, смог бы ты это сделать? Позволит ли это твой отец? Позволит ли это твой статус?

Я молча смотрел на него.

— Нет. Они не позволили бы, и ты не смог бы. Потому что ты существуешь внутри этой

иерархии, как и все остальные. Твой статус не имеет значения. Одна только слава ничего не стоит.

Сол презрительно смотрел на меня и, наконец, произнёс слова, о которых думал с того дня как мы встретились.

— Я могу быть рабом. Но ты не более свободен, чем я.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3101881